

Общественному быту рабочих и роли в их жизни старых обычаев посвящены два последних раздела исследования (стр. 148—158). Они являются результатом непосредственных наблюдений автора и в высшей степени интересны. Автор тщательно отмечает все ростки нового быта: проведение новых общественных празднеств, появление ранее не известных семейных торжеств, в чем сказалось прогрессивное воздействие русской культуры. Вместе с тем удерживаются еще старые религиозные обряды и обычаи. К сожалению, автор не всегда достаточно подробно раскрывает их современное содержание. Так, изложив подробно весь комплекс обычаев, связанных с рождением и воспитанием детей, каким он был в дореволюционное время, автор ограничивается лишь замечанием, что некоторые из этих обрядов в отдельных семьях соблюдаются и в настоящее время (стр. 109).

Интересен приведенный в книге материал по свадебному обряду. Мне представляется, однако, что в отношении обрядовой жизни нельзя ограничиться только одним суммарным описанием обряда. Более верную картину может дать сравнительное изучение нескольких хронологически разновременных вариантов одного и того же обряда, зафиксированных в различных социальных и возрастных группах. Такое изучение, несомненно, помогло бы автору глубже вскрыть сущность происходящих в религиозно-обрядовой жизни процессов, характер и направление происходящих в ней изменений. Вот почему при всей подробности описания ряд моментов, связанных с браком и свадебной обрядностью, остался в исследовании Ш. Аннаклычева недостаточно выясненным. Таково, например, описание обычаев «кайтармы» (возвращение невестки на определенное время в родительский дом) и «гивелемек» (посещение зятем дома тещи). Неясным остается, в какой степени и в каких формах эти обычаи, являющиеся еще пережитками первобытно-общинного строя, соблюдаются в настоящее время (стр. 137, 138).

Несмотря на ряд отмеченных мной существенных недостатков, которые сводятся главным образом к отсутствию достаточного анализа материалов, в целом книга Ш. Аннаклычева заслуживает серьезного внимания. Это — одна из первых больших работ по изучению культуры и быта рабочих-нефтянников. В основной своей части она базируется на оригинальном полевом историко-этнографическом материале. Изучение поставлено широко и перспективно. Уже сейчас выявляются контуры возможных новых работ, непосредственно вытекающих из проделанного автором исследования.

В. Крупянская

Т. А. Трофимова. *Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии*. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2, Изд. Академии наук СССР, М., 1959, 176 стр.

Книга Т. А. Трофимовой является продолжением и отчасти обобщением ее работ по палеоантропологии Хорезма¹. Ведущие свыше 20 лет под руководством С. П. Толстова раскопки дают, особенно в последние годы, все больше костных остатков людей, обитавших здесь в разное время — от эпохи бронзы до позднего средневековья. Еще не по всем эпохам имеется достаточный антропологический материал, еще имеются значительные лакуны, которые продолжают пополняться. Однако то, что уже собрано, изучено и опубликовано, — свидетельствует о том, что, по существу, новая глава в палеоантропологии Средней Азии — палеоантропология Хорезма — уже строится на основательном фундаменте.

Вводная глава «Основные проблемы палеоантропологии Хорезма» подводит краткий итог всем изученным до настоящего времени материалам и ставит задачи дальнейшего исследования.

Следующая глава — о черепах из могильника тазабакъябской культуры Кокча 3, раскопанного в 1954 году. Здесь дана характеристика краниологических материалов с индивидуальными описаниями черепов, таблицей их измерений, а также сравнительные таблицы. Эта глава существенно развивается и дополняется другой работой Т. А. Трофимовой о черепах из могильника Кокча 3, включающей и материалы из раскопок 1955 года, опубликованной в 1961 г. (См. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 5).

В главе о черепах из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр 1, раскопанного в 1953 году, приведены индивидуальные описательные характеристики и измерения черепов, а также сравнительные материалы. Так как почти все черепа этой серии прижизненно подверглись затылочно-теменной деформации, то произведен анализ влияния этой деформации на размеры и соотношения мозговой коробки и лицевой части черепа.

К этой работе приложены сделанные Ю. А. Дурново измерения длинных костей скелетов из этого могильника.

¹ См. работы Т. А. Трофимовой: Палеоантропологические материалы с территории Древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3; Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1958; Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, там же.

Далее следует глава о черепах позднекушанского времени (III—IV вв. н. э.) из Канга-Калы. Здесь также даны индивидуальные и сравнительная характеристики черепов и проводится анализ их деформации.

Наконец, следуют две небольшие заметки о черепах VI—VIII вв. н. э. из погребального сооружения в Куба-Тау и черепах IX—X вв. с территории замка № 50 в Беркут-Калинском оазисе.

Все разделы написаны в этногенетическом аспекте, с применением четкой методики расового анализа, при которой последовательно сочетается внутрigrупповой анализ, междугрупповой и исторический, для чего привлекается обширный сравнительный материал.

В качестве приложения в порядке привлечения данных из соседних областей в конце книги дана работа о материалах из оссуарного некрополя IV—VI вв. н. э. возле Байра-Али в Южной Туркмении, откуда изучено 132 черепа. Здесь также дан анализ морфологических изменений черепа под влиянием деформации. К работе приложена таблица индивидуальных измерений всех черепов, проанализировано влияние искусственной деформации на строение черепа и даны сравнительные таблицы.

Т. А. Трофимова поднимает вопрос — почему более деформированные черепа окрываются и несколько более крупными (стр. 143). Нам кажется, причиной этого может быть рахит, который тормозит нормальное развитие черепных костей, что ведет к их истончению и разной степени гидроцефалии. Такие черепа, более крупные, чем в среднем, гораздо легче и сильнее деформируются при преднамеренных или непреднамеренных (например, лежание в бешике) воздействиях.

Книга снабжена рисунками-обводами черепов и фотографиями реконструкций лица по черепу, сделанными в лаборатории М. М. Герасимова.

Основные положения рецензируемой книги, которая, как пишет автор, является обобщающей сводкой по палеоантропологии Хорезма, сводятся к следующему.

В эпоху бронзы антропологический состав населения восточной части Хорезма — смешанный; в него входят европеоидные типы северной степной полосы эпохи бронзы андроновской и срубный и, в меньшем количестве, южный тип, в котором автор усматривает дравидоидные элементы. При этом отмечается, что характерный для юга Средней Азии средиземноморский тип в это время в более северных ее районах не обнаружен. Изученные нами находки в районе Актюбинска, которые еще не были известны Т. А. Трофимовой, показали наличие такого типа в эпоху бронзы.

Смешанность населения тазабгянской культуры убедительно показана М. А. Итиной (см. 5 выпуск «Материалов Хорезмской экспедиции») также по археологическим данным. Второй тип, выделенный Т. А. Трофимовой, дравидоидный, безусловно связан с древними прогнатными элементами Северной Индии, которые примешивались к населению Хорезма.

Во всяком случае, теперь уже и антропологические материалы, наряду с археологическими, говорят о том, что в эпоху бронзы на территории Хорезма был стук культур и племен, обитающих к северу, западу и югу от нее. Благоприятные для пастушеского земледелия условия в низовьях Среднеазиатского междуречья создали здесь зону контакта разных племен и культур, аналогично тому, что отмечено в верховьях Среднеазиатского междуречья — в Фергане.

К сожалению, антропологические материалы эпохи раннего железа — сакского времени — еще не были обнаружены, когда писалась рецензируемая книга. Находки последних двух лет теперь восполняют этот пробел, но они еще не опубликованы.

Наиболее древние черепа с левобережья Аму-Дарьи из захоронений в городищах Калалы-Гыр 1 и 2, относятся к античному времени (II—III вв. н. э.). Отсюда изучено три серии черепов: из оссуарных захоронений возле стен крепости Калалы-Гыр 1, из угловой башни (дахмы) и из оссуариев дворцового здания.

На основании изученных материалов Т. А. Трофимова отмечает большую смешанность населения левобережья Аму-Дарьи в это время и выделяет здесь следующие типы:

Основной тип — европеоидный с высоким и узким лицом — встречается в двух вариантах: долихокранном и мезо-брахикранном.

Небольшую примесь составляют европеоидные черепа с низким и широким лицом (северные варианты). Несколько черепов из дахмы характеризуются дравидоидными чертами. Наконец, на некоторых черепах отмечается монголоидная примесь северокиргайского типа.

На некоторых черепах европеоидного типа отмечается кольцевая деформация, характерная для среднеазиатских «гуннов». Эти материалы дают Т. А. Трофимовой возможность говорить о смешанном происхождении и широких связях населения территории Хорезма и левобережья Аму-Дарьи.

К позднекушанскому времени (IV в. н. э.) относятся изученные черепа из оссуариев античных крепостей Канга-Кала и Куны-Уаза. Большая часть черепов подверглась кольцевой деформации. Антропологический тип характеризуется смешением европеоидных черт средиземноморского типа с монголоидными северокитайскими и несколько отличается от черепов из Кенкольского могильника, в котором узколицый же монголоидный тип смешан с брахи-мезокранным европеоидным типом Среднеазиатского междуречья. Это дает возможность Т. А. Трофимовой, учитывая и археологический материал, присоединиться к С. П. Толстову и отнести население этих крепостей к гуннам-хионитам — предкам позднейших гунов-эфталитов.

В разных местах рецензируемой книги Т. А. Трофимова (как и мы) на основании антропологических данных поддерживает мнение А. Н. Бернштама о том, что «гунны» Средней Азии представляли собой пришельцев с востока, смешавшихся с местными аборигенами.

В эпоху поздней античности основные компоненты позднейшего узбекского и туркменского населения уже сформировались (стр. 11). В качестве предков хорезмских узбеков Т. А. Трофимова рассматривает захороненных в Калалы-гырских крепостях, а в качестве предков хорезмийских туркмен — погребенных в оссуариях Куны-Уза и Канга-Калы.

К несколько более позднему времени (VI—VIII вв. н. э.) относятся черепа из Куба-Тау. Некоторая часть их из раскопок 1936 года была изучена В. Я. Зезенковой: материалы из раскопок 1956 года изучила Т. А. Трофимова. Большая часть черепов из Куба-Тау деформирована. Антропологический тип их, европеоидный в основе, различен. Отмечен череп, близкий к андроновским формам, другой — к средиземноморскому типу. Т. А. Трофимова отмечает и монголоидную примесь, но иную, чем в предыдущих сериях.

К еще более позднему времени (VIII—X вв. н. э.) относятся две серии черепов из Беркут-Калинского оазиса на правобережье Аму-Дарьи. Материалы из замка № 36 были получены в 1937 году и изучены Н. Г. Залкинд; материалы из замка № 50, раскопанные в 1953 году изучила Т. А. Трофимова. Вторая серия несколько более поздняя, чем первая. На этих черепах можно проследить элементы древнего андроновского типа. В целом здесь, по-видимому, преобладает тип Среднеазиатского междуречья, в основе которого и лежит андроновский тип, как это мы показали на разных сериях черепов из Тянь-Шаня и др.

Наконец, Т. А. Трофимова дает характеристику двум небольшим, еще более поздним сериям черепов из развалин Куны-Ургенча и из окрестностей Узбоя, датируемых XIV веком. Первые — мезо-брахикранные, вторые — брахикранные варианты типа Среднеазиатского междуречья с легкой примесью монголоидных черт, более ясной на серии из Узбоя.

Хотя не все эпохи хорошо представлены антропологическими материалами, уже можно проследить пути становления и развития населения территории Хорезма с древних времен. Уже в эпоху бронзы, да и раньше, здесь соприкасались разные культуры и их носители — племена, относившиеся к разным антропологическим типам европеоидной расы — северному и южному. В дальнейшем южные группы, по-видимому, преобладают, но те и другие преобразуются в тип Среднеазиатского междуречья при возрастающем участии монголоидных элементов.

Т. А. Трофимова показала наличие в древнем южноевропейском расовом типе экваториальной примеси, которая иногда отмечается и в современном населении Средней Азии, о чем писал Л. В. Ошанин. Мы имели случаи отметить такую примесь у горных таджиков.

Рецензируемая книга, как и другие, относящиеся к палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей работы Т. А. Трофимовой, написанная с привлечением широкого материала, способствует изучению этногенеза населения Средней Азии и представляет несомненный интерес не только для антропологов, но и для представителей других смежных дисциплин, в первую очередь археологов, историков и этнографов.

Нужно пожелать Хорезмской экспедиции дальнейших успешных находок антропологических материалов, чтобы заполнить лакуны и тем скорее завершить построение схемы этногенеза населения этой части обширной территории Средней Азии.

В. Гинзбург

А. И. Робакидзе. *К истории пчеловодства*. Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1960, 256 стр. + 12 стр. рис. (на груз. яз.).

Рецензируемая работа состоит из введения, пяти глав и заключения, резюме на русском и немецком языках, списка использованной литературы, указателей и иллюстраций.

Во введении автор определяет задачи исследования, дает критический обзор литературы по пчеловодству, подробно останавливается на методике полевой этнографической работы. Обосновывая постановку вопроса, А. И. Робакидзе справедливо связывает пчеловодство с одной из важных культурно-исторических проблем общей этнографии — проблемой одомашнения животных.

В первой главе монографии рассматривается вопрос о возникновении пчеловодства с точки зрения общей этнографии, три следующие посвящены истории пчеловодства у некоторых народов Древнего Востока (гл. 2), Руси (гл. 3) и Грузии (гл. 4). В пятой главе дана характеристика ряда пчеловодческих обычаев и обрядов в связи с критикой «религиозных теорий» происхождения домашнего пчеловодства.

Пчеловодство — занятие очень древнее, подчеркивает А. И. Робакидзе. Оно всегда составляло определенную отрасль хозяйственной деятельности человека. Известно, что